

В.В. МАРЬИНА

СЛОВАКИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР. 1941–1945 годы

Словацкое государство возникло по воле Гитлера 14 марта 1939 г. Осенью того же года оно получило официальное наименование Словацкая республика. Имевшее своего президента монсеньора Йозефа Тисо и свое правительство, оно по сути стало сателлитом нацистской Германии. Советский Союз, подписавший 23 августа 1939 г. договор о ненападении с Германией, а 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе с ней, принял решение установить со Словакией дипломатические отношения. В конце 1939 – начале 1940 г. в Москве и Братиславе стали функционировать дипломатические представительства обоих государств¹. Берлин использовал фиктивную самостоятельность Словакии для реализации своих стратегических и геополитических планов, в том числе и для подготовки нападения на Польшу и СССР. В мае 1941 г. слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом приняли в Словакии лавинообразный характер. Они основывались на спешном строительстве железных и шоссейных дорог в восточной части страны, на массовой переброске в район бывшей польско-советской границы немецких войск. В конце мая советский посланник в Словакии Г.М. Пушкин сообщал, что “немцы серьезно подготавливают Словакию к будущим военным операциям”, что она “сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны”². Словацкий “прицеп” все крепче привязывался к германской военной машине и уже почти автоматически последовал за ней, когда она открыто повернула на восток.

23 июня 1941 г. В.М. Молотов принял словацкого посланника Ю. Шимко, который заявил, что словацкое правительство прерывает дипломатические отношения с СССР. При этом он отметил, что словацкие власти три недели назад заверили его, что “не предвидится никаких угрожающих событий”, и объяснил их решение тем, что “Словакия приняла сторону Германии и обязалась координировать с ней свою политику”. Молотов, подчеркнув, что “дело Словакии решать вопрос об отношении к СССР”, поинтересовался все же, имеются ли у нее поводы для “недовольства в отношении СССР”. Шимко ответил, что “по его сведениям таких поводов нет”³. 23 июня Словакия объявила войну СССР и направила свои войска на советско-германский, Восточный, фронт. В декабре 1941 г. она объявила войну также Великобритании и США. Следует, однако, отметить, что ни Советский Союз, ни его главные союзники по Антигитлеровской коалиции, Великобритания и США, войну Словакии не объявляли. Почему? Чехословакия являлась членом антигитлеровской коалиции, где она была представлена дипломатически признанным чехословацким эмигрантским правительством и президентом Э. Бенешем. Одной из целей коалиции являлось восстановление Чехословакии в до-

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии. – Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999, с. 198–240; *ее же.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007.

² Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф.029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 232–233.

³ Там же, ф. 06, оп. 3, п. 21, д. 275, л. 1–3.

мюнхенских границах, за что Бенеш вел упорную дипломатическую борьбу⁴. Поэтому союзники игнорировали де-факто существующее словацкое государство, полагая, что его создание противоречит международному праву и поэтому неправомерно. Бенеша вполне устраивала такая позиция, более того, он сам всемерно содействовал ее утверждению. В чехословацкой ноте, направленной союзным правительствам в декабре 1941 г. и касавшейся отношения к Словакии, с удовлетворением констатировалось, что Советский Союз не заявлял о войне со Словакией и что английское правительство, объявляя войну Финляндии, Венгрии и Румынии, “вообще не упомянуло о так называемом бра- тиславском правительстве”. Подчеркивалось, что чехословацкое правительство “при- нимает это решение с искренним удовлетворением и делает из этого вывод, что бри- танское правительство, как и правительство Советского Союза, признав правительство Чехословацкой республики... просто игнорирует существование так называемого сло- вацкого государства и считает его по праву тем, чем оно является в действительности: искусственной и временной конструкцией германской политики”⁵.

Но бра- тиславские правители, приняв решение о вступлении в войну на стороне Германии, вовсе так не думали и надеялись извлечь для себя выгоду из ее победы. Поэ- тому на Восточный фронт и были отправлены словацкие войска, участвовавшие в сра- жениях с первых дней войны. Но вместе с тем следует отметить, что вне зависимости от желания либо нежелания бра- тиславских властей участвовать в этой войне Словакия вынуждена была играть роль, отведенную ей в написанном Гитлером сценарии. Вы- нужден был делать это и Тисо, хотя по всей вероятности, особенно в начале войны, он играл роль пособника нацистской Германии весьма охотно, что объяснялось его реши- тельным неприятием теории и практики большевизма. Обосновывая участие Словакии в войне против СССР, Тисо говорил: “Опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов... Мы ни за что не откажемся... от участия в борьбе против большевизма, которая является и борьбой за наше государство, за наш народ”⁶.

Официальная словацкая пропаганда, учитывая традиционные для словацкого на- рода русо- и славянофильские настроения и одновременно играя на его национальных чувствах, делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от “красной заразы” первого национального словацкого государства. В армейс- кой газете “Словацкий солдат” появилась статья Тисо, в которой говорилось: “Солдаты, мы все гордимся вами... в первый раз за тысячелетие вы боретесь за ваше собственное имя, за словацкую нацию, за словацкое государство. Вы заняли свое место в линии обо- роны против большевистской опасности. Вы обязались принять участие в славном гер- манском фронте для того, чтобы предотвратить (так в переводе документа, правильно – защитить. – В.М.) от опасности большевистского ада ваш народ и Европу”⁷. В одном из выступлений в августе 1941 г. Тисо утверждал: “Мы с Адольфом Гитлером останемся до самого конца”⁸. Что касается словацкого президента, так и произошло: он остался верен фюреру до последних дней и “благословил” подавление немецкими войсками Словацкого национального восстания 1944 г., направленного против существующего режима под лозунгом воссоздания Чехословакии.

Мотив войны против большевизма звучал и в приказе по армии, отданном ми- нистром национальной обороны Словакии и главнокомандующим словацкой армии Ф. Чатлошем 24 июня 1941 г. Словацкая армия под руководством победоносной гер-

⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* Дипломатия Э. Бенеша после мюнхенского соглашения. 1939–1945 годы. – Новая и новейшая история, 2009, № 4.

⁵ *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Reči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946, s. 471, 473.

⁶ *Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu.* Bratislava, 1992, s. 233.

⁷ АВП РФ, ф. 0138, оп. 22, п. 130а, д. 1, л. 83.

⁸ Там же, ф. 138б, оп. 21, п. 34, д. 6, л. 11.

манской армии, говорилось в приказе, “установила стальную завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и ее цивилизации... Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно расценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать ее в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу... здесь речи нет ни о борьбе против русского народа, ни против славянства... В этой борьбе, результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ”⁹. Однако вступление Словакии в войну против СССР даже в словацких верхах одобряли не все, хотя предпочитали говорить на этот счет только в кругу близких и друзей. Открыто о поддержке СССР в выступлениях по лондонскому радио высказались некоторые словацкие политики, сторонники Э. Бенеша, например генерал Р. Виест и Ю. Славик¹⁰. В чехословацких воинских частях, сформированных на Западе еще до нападения Германии на СССР, находилось немало словаков.

По данным российского исследователя М. Мельтюхова, Словакия выделила для войны против Советского Союза 42,5 тыс. солдат и офицеров, т.е. почти столько же, сколько Венгрия (44,5 тыс.), 2,5 дивизии, 246 артиллерийских и минометных стволов, т.е. больше, чем Венгрия (200), но меньше танков и самолетов: соответственно 35 и 160, 51 и 100¹¹. Приводятся и другие данные на этот счет: в боевых действиях против Красной Армии и партизан приняли участие две пехотные дивизии, три отдельных артиллерийских полка (гаубичный, противотанковый и зенитный), танковый батальон, авиационный полк в составе 25 истребителей В-534, 16 истребителей Bf 109Е-3, 30 легких бомбардировщиков S-328¹². Чатлош приводил и другие цифры, о чем будет сказано ниже.

В прежней, до 1989 г., историографии об участии словацкой армии на советско-германском фронте было мало что известно. Если и говорилось об этом, то только в плане нежелания ее солдат и офицеров сражаться против Красной Армии, об их русо- и славянофильских настроениях, переходе на сторону советских войск и партизан. Несомненно, было и это, особенно после окончательного перелома в войне в 1943 г., но было и другое, о чем предпочитали не говорить. “Заговор молчания” был прерван в конце XX в., и особая заслуга в этом принадлежала директору Института военной истории Й. Быстрицкому, базировавшему свои исследования, как на материале словацких, так и российских архивов¹³. В 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словакии и Институт истории АН СР провели международную научную конференцию на тему “Словакия и Вторая мировая война”¹⁴, с докладом на которой о действиях сухопутных сил словацкой армии на советско-германском фронте выступил Быстрицкий¹⁵.

⁹ Цит. по: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ РФ). Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего словацкой армии Чатлош Фердинанда, арх. № Н-18761, т. 1. Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г., л. 66–68. См. также: *Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944)*. Bratislava, 2002, s. 186.

¹⁰ АВП РФ, ф. 138, оп. 22, п. 35, д. 5, л. 56.

¹¹ *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2000.

¹² <http://reibert.info/forum/showthread.php?t=4675>

¹³ *Bystrický J.* Rýchla (1. pešia) a Zaisťovacia (2. pešia) divízia vo vojne proti Sovietskemu Svazu (1941–1943). – Armáda v dejinách Slovenska. Bratislava, 1993, s. 115–140; *idem.* Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte r. 1941. – *Vojenská história*, 1998, № 2, s.39–61; *idem.* Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (september 1941 – november 1942). I. – *Ibid.*, 1999, № 4, s. 29–54; *idem.* Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (november 1942 – október 1943). II. – *Ibid.*, 2000, № 3–4, s. 35–52; *idem.* Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsilíu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny. – *Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období*. Bratislava, 2006, s. 9–25, etc.

¹⁴ Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29–31. mája 2000. Bratislava, 2000.

¹⁵ *Bystrický J.* Pozemné vojská slovenskej armády na východnom fronte 1941–1945. – Slovensko a druhá svetová vojna, s. 191–216.

В последние годы словацкими историками рассматривались и другие аспекты участия словацких вооруженных сил в войне на Восточном фронте¹⁶.

Исследования показали, что словацкие войска использовались в разных формах на советской территории, начиная с июня 1941 г. и кончая летом 1944 г., когда они были отозваны с Восточного фронта. Совместно с немецкими войсками они принимали участие в боях на фронте, обеспечивали безопасность коммуникаций и других важных в военном отношении объектов в тылу германской армии, проводили акции против партизан на оккупированной советской территории, строили оборонительные укрепления для отступающих частей вермахта¹⁷. В начале июня на советско-германском фронте находилось более 50 тыс. словацких солдат и офицеров. Перейдя 24 июня границу в районе Дуклинского перевала¹⁸, передовые части словацкой армии уже 25 и 27 июня приняли участие в боях. Однако вскоре примерно две трети ее личного состава были возвращены в Словакию. Прежде этот факт объяснялся в литературе исключительно ненадежностью с точки зрения немецкого командования словаков, не желавших воевать против русских. Эту точку зрения опроверг сам Чатлош еще в начале 1960-х годов. Он утверждал, что “причина была в ином, не в неблагонадежности... Немцы требовали боевого эффекта от всех словаков на фронте!”. Но слабая, плохо обученная, мало мобильная, не имевшая хорошо обученных командиров словацкая армия не могла выполнить все требования немцев. Поэтому было решено сократить армию “до такого числа, которому будет хватать моторизованных средств передвижения, а также командиров надлежащей квалификации. Вот аргументация общего сокращения словацкой армии в 1941 г.”¹⁹ Была сформирована моторизованная (“быстрая”) дивизия, которая при поддержке словацкой авиации, танков и артиллерии участвовала в боях на Восточном фронте. Словацкие войска сохраняли формальную самостоятельность, но действовали в составе вермахта в соответствии с его планами. Численность словацких войск в декабре 1941 г. составляла примерно 15 тыс. человек. Приданные “Быстрой дивизии” авиационные и саперные части участвовали в штурме Киева, который после захвата его немцами посетил Тисо²⁰. Затем дивизия была переведена в резерв немецкой группы армий “Юг”, вела наступление и бои на направлении Кременчуг, Ростов-на-Дону, Запорожье. В ноябре 1941 г. немецкое командование отдало ей приказ об обороне побережья Азовского моря. Зимой 1943 г. словацкие войска оказались на Северном Кавказе. Они прикрывали отход основных немецко-румынских сил, неся при этом страшные потери. Остатки дивизии, бросившей все тяжелое вооружение и технику, по воздуху были переправлены в Крым. Здесь в мае-июле 1943 г. “Быструю дивизию” реорганизовали и по приказу Чатлоша переименовали в 1-ю пехотную дивизию. Позже Чатлош так объяснял это: «Название “Быстрая дивизия” стало беспредметным, ибо транспортные средства и вооружение, которые делали дивизию быстрой, остались на Кавказе, настолько быстро ей пришлось оттуда сбежать, чтобы спасти себя»²¹. В Крыму словаки обороняли берего-

¹⁶ Francev V. Utočná vozba slovenské armády 1939–1944. – Historie a vojenství, 1997, № 2, s. 98–130; Rajlich J. Stihací letka 13 slovenských vzdušných zbraní na východní frontě v letech 1942–1943. – Historie a vojenství, 2001, № 2, 3, s. 277–309; 501–537; *idem*. Tatránští orlí nad Kubání. Praha, 2002; Mečianik P. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti Sovietskemu zväzu. – Slovanský prehľad, 2004, № 2, s. 221–247.

¹⁷ Конкретный материал об участии словацкой армии на советско-германском фронте см.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009, с. 33–50.

¹⁸ По стечению обстоятельств именно через Дуклинский перевал советские войска в сентябре 1944 г. пробивались в Словакию на помощь Словацкому национальному восстанию.

¹⁹ Цит. по: Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. (Biografický náčrt). Bratislava, 1998, s. 44.

²⁰ Есть фотография: Тисо в окружении немецких и словацких офицеров в захваченном Киеве. – Kliment Ch.K., Nakladal B. Slovenská armáda 1939–1945. Praha, 2003.

²¹ Цит. по: Шмидт П. Начало распада словацких войск на советско-германском фронте в 1943 г. (по материалам опроса военнопленных). – Вестник Воронежского государственного аграрного университета, 2009, № 3, с. 73.

вую линию Сиваша, затем переместились на юг Украины в район Мелитополя, и далее на Запад в район Одессы.

Словацкая “Охранная дивизия” была дислоцирована на северо-западе Украины. Она занималась преимущественно охраной железных и шоссейных дорог, других военных объектов, но участвовала также в ликвидации очагов сопротивления окруженных советских войск и карательных акциях. К концу войны усилился процесс разложения словацкой армии, участились дезертирство и сдача в плен ее солдат и офицеров. Все эти и многие другие вопросы рассмотрены в работах словацких и чешских ученых. В этом плане следует упомянуть об исследовании М. Лацко о словацкой “Охранной дивизии” в СССР в 1942–1943 гг.²² Автор скрупулезно прослеживает дислокацию дивизии, настроения солдат и офицеров, акции против партизан, отношение к местному населению, дезертирство и переход к советским партизанам и т.д. Ставится вопрос о различии в понятиях дезертирство, добровольный переход на советскую сторону и пленение, чего в прежней литературе не делалось. Чешский историк Й. Шолц коснулся попыток перехода 1-й словацкой пехотной дивизии на сторону Красной Армии в 1943 г.²³ Словацкая историография Второй мировой войны и участия в ней словацких вооруженных сил за два десятилетия после 1989 г. достигла уже впечатляющих результатов и продолжает развиваться²⁴.

В современной российской историографии, к сожалению, вопрос о действиях словацких войск на советско-германском фронте практически не рассматривается. Помимо упомянутой монографии (кн. 2) автора этих строк, которая при освещении указанного вопроса опирается преимущественно на работы словацких историков, следует сказать о небольшой, но очень интересной, основанной исключительно на материалах Центрального архива Министерства обороны РФ статье П. Шмидта о начале распада словацких войск на советско-германском фронте в 1943 г.²⁵ Написанная по материалам опросов словацких военнопленных, она свидетельствует об их настроениях, о панике и хаосе в словацких частях после разгрома немцев на Северном Кавказе, о дезертирстве и переходе на советскую сторону, о пропаганде, которую проводили среди словацких военнослужащих политорганы Красной Армии. Вместе с тем есть и свидетельства сопротивления, которое оказывали отдельные словацкие части советским войскам. Говорится о численности и вооружении успевших переправиться в Крым частей словацкой армии, которая, по существу, была разгромлена.

* * *

В свете накопленных к настоящему времени материалов об участии словацких войск на советско-германском фронте интерес представляют показания по этому вопросу министра национальной обороны Словакии и главнокомандующего словацкой армией генерала Чатлоша (1939–1944 гг.), данные им в советской тюрьме. Осознавший к концу войны неминуемый крах нацистской Германии, Чатлош вынашивал планы сопротивления словацкой армии немцам в случае их попыток оккупировать Словакию и готов был договориться о реализации своих намерений с советскими властями. В начале августа 1944 г. он организовал перелет в СССР словацкого военного самолета, с командиром экипажа которого передал свои предложения в Москву. В начале Словацкого национального восстания (29 августа – 28 октября 1944 г.) Чатлош перешел на повстанческую территорию, откуда и был переправлен в Москву. Здесь он содержался в тюрьме до начала 1947 г., а затем был передан чехословацким властям. В ЦА ФСБ РФ

²² Lacko M. Dezercie a zajatia príslušníkov zaisťovacej divízie v ZSSR v rokoch 1942–1943. Bratislava, 2007.

²³ Šolc J. K pokusům o přechod 1. slovenské pěší divíze k Rudé armádě v roce 1943. – Vojenská historia, 1999, № 3, s. 30–54.

²⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* СССР периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг. в словацкой историографии последнего двадцатилетия. – Славяноведение, 2011, № 1.

²⁵ Шмидт П. Указ. соч., с. 69–74.

автору удалось познакомиться с первым из трех томов “Уголовного дела по обвинению бывшего главнокомандующего словацкой армией Чатлош Фердинанда”²⁶. Том содержит его собственноручные показания, некоторые изъятые у него документы (письма, заявления, личные бумаги), материалы допросов бывшего генерала²⁷, произведенные в январе и декабре 1946 г.²⁸ Второй и третий тома дела автору, к сожалению, посмотреть не удалось.

Первый том открывается тремя собственноручными показаниями Чатлоша, написанными фиолетовыми чернилами от руки, скорее всего самим подследственным. Однако, судя по всему, текст не оригинальный, а либо переведенный со словацкого языка, либо отредактированный (литературно) человеком, знающим русский язык. Чатлош тоже владел русским языком, но не настолько свободно (это подтверждается рядом оригинальных документов, имеющихся в деле), чтобы достаточно грамотно излагать на нем свои мысли письменно. Показания датированы 15, 26 и 28 сентября 1944 г., т.е. были даны сразу после доставки Чатлоша в Москву и в течение первых двух недель его заключения. Первый²⁹ из указанных документов – более короткий – содержит основные биографические данные Чатлоша, вопросы, касающиеся войны Словакии против СССР, отношение генерала к словацкому восстанию. Обращает на себя внимание выгодная для Чатлоша интерпретация этих вопросов, упор сделан на тех моментах, в которых автор предстает как словацкий патриот и русофил, и замалчивание тех фактов, что могут нанести вред его имиджу, явное стремление предложить свои услуги советским властям и быть полезным им.

Собственно, это желание обелить себя, оправдаться или по крайней мере объяснить свои действия ощущается и в последующих показаниях, содержащих гораздо больше подробностей и деталей. Именно они создают не плоский, либо черный, либо белый, а более колоритный образ Чатлоша. Кстати, таковым его видел и Пушкин, что следует из характеристики Чатлоша, написанной по просьбе НКВД СССР в феврале 1941 г. Думается, она, наряду с прочим, не могла не сыграть своей роли в отношении советских властей к судьбе Чатлоша в конце войны. Пушкин, в частности, писал: “Чатлоша я не считаю германским человеком. Мне представляется, что он скорее чехословак”, и далее: Чатлош «хорошо знает русский язык. Однажды он сказал мне: “Я верю, что Советский Союз непобедим. Россию не мог победить еще ни один Наполеон”. При этом он оглядывался по сторонам, боясь, что его подслушивают немцы». “Чатлоша я склонен рассматривать, – писал Пушкин, – как человека, хорошо настроенного в отношении Советского Союза. Но он достаточно хитер и осторожен, чтобы открыто проявлять симпатии к нам. Этого он не сделает до тех пор, пока не изменится политическая ситуация в Центральной Европе, иначе говоря, до тех пор, пока Германия не перестанет играть здесь роль определяющего фактора”³⁰.

²⁶ Дело не имеет сплошной нумерации листов: пронумерованы блоки. Первый из них – отредактированные (литературно) собственноручные показания Чатлоша, протоколы его допросов, характеристики и справки на Чатлоша, представленные советскими органами; второй блок – заявления, письма, неотредактированные показания Чатлоша. Далее указывается нумерация листов в первом и во втором блоке.

²⁷ Братиславские власти лишили его не только звания главнокомандующего словацкой армией, но и звания генерала, разжаловав до рядового.

²⁸ Материалы были частично опубликованы автором в Словакии: *Marjina V.V. Vážen Butyrskej cely Ferdinand Čatloš*. – *Historický časopis*, 1996, № 4. Они с интересом встречены специалистами, в частности см. книгу словацкого военного историка В. Штефанского: *Štefanský V.* Op. cit., s. 75–77.

²⁹ ЦА ФСБ РФ, Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армией генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 15 сентября 1944 г., блок 1, л. 1–4.

³⁰ АВП РФ, ф.029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 54–56. См. подробнее: *Марьина В.В.* Советские дипломаты и словацкие политические деятели. 1939–1941 годы. По материалам Архива МИД РФ. – Новая и новейшая история, 2008, № 1, с. 62.

Данная Пушкиным характеристика, как представляется, достаточно точна и подтверждается действиями и поведением Чатлоша в конце войны. Осознав, что крах Германии неминуем, что Красная Армия стоит на пороге Словакии, Чатлош начал “менять курс”, о чем свидетельствовали и попытки установить связи с партизанами, и желание наладить контакты с советскими властями, предложив им свой план действий (“Меморандум Чатлоша”) в начале августа 1944 г., и, наконец, переход на повстанческую территорию с намерением предложить свои услуги повстанцам, а затем Москве. Другой вопрос, что они не были приняты, прежде всего по политическим соображениям, поскольку исходили от человека, достаточно скомпрометировавшего себя деятельностью в правительстве Тисо, а также потому, что это вступило бы в противоречие с “курсом” СССР на восстановление Чехословакии и “союз” с Бенешем³¹.

Характеристика, данная Чатлошу Пушкиным, была по сути повторена в имеющейся в деле справке НКГБ СССР от 20 сентября 1944 г. В ней, в частности, значилось, что “до войны Германии с СССР Чатлош был сторонником сближения [Словакии] с СССР”, что созданный в то время немцами режим в Словакии он считал “явлением временным, предсказывал, что при благоприятно сложившейся обстановке Словакия выступит против немцев”. “По ряду признаков можно судить, – говорилось в справке, – что немцы не доверяли Чатлошу, считая его политически не вполне благонадежным... Если говорить о личных качествах, то Чатлоша можно характеризовать как хитрого, умного и изворотливого человека, способного использовать перспективно складывающуюся политическую ситуацию в своих карьеристических целях”.

Несколько иначе выглядит характеристика Чатлоша, подготовленная Главным разведывательным управлением Красной Армии НКО СССР по просьбе Главного управления контрразведки “СМЕРШ” НКО СССР 30 сентября 1944 г. Она составлена на основе сведений, полученных “от Голиана³² и других источников”. В ней присутствуют такие определения Чатлоша, как “профашист”, “карьерист”. “По показаниям пленных словачков, – говорилось в справке, – авторитетом в армии не пользовался, прогрессивная часть офицеров ненавидела его за продажность. Сотрудничал с существующим режимом Тисо, так как был убежден, что немцы выиграют войну. С 1942 г. помогал немцам в осторожной форме, содействовал оккупации Словакии немцами. За последнее время пытался делать различные предложения и попытки вести борьбу против немцев. В этом отношении облегчил подготовку восстания. Однако своим выступлением в начале восстания принес много вреда³³. Партизан активно не поддерживал, однако своей

³¹ Следует заметить, что советские руководители, видимо, вначале не отвергали возможности воспользоваться “услугами” Чатлоша. В частности заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский, по сообщению посла ЧСР в СССР З. Фирлингера в Лондон 28 августа 1944 г., подтверждая, что “советское правительство не имеет намерения защищать предателей”, допускал, что “квислинги” могут быть “на короткое время использованы для определенных целей” (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 4, кн. 2. М., 1983, с. 111). По воспоминаниям начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии С.М. Штеменко, начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика считал возможным использовать “авторитет Чатлоша, чтобы легче было поднять восстание армии, но затем от Чатлоша избавиться” (*Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989, с. 460). Один из руководителей словацкой компартии К. Шмидке, прибывший в Советский Союз в начале августа 1944 г. на предоставленном Чатлошем самолете, сообщал, что в связи с тем, что Чатлош высказался за ориентацию Словакии на Советский Союз, его также предполагается ввести в состав Военного совета, занятого подготовкой восстания. (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 495, оп. 74, д. 552, л. 6–14). Руководящий орган СНВ Словацкий национальный совет считал возможным использовать предложения Чатлоша военного характера и дистанцировался от его политических представлений, действуя по принципу “мавр сделал свое дело, мавр может уйти” (*Slovenské národné povstanie. Dokumenty*. Bratislava, 1965, s. 331–332).

³² Подполковник Ян Голиан – глава Военного центра, участвовавшего в подготовке восстания.

³³ 29 августа Чатлош под угрозой выдачи немцам выступил по брatisлавскому радио с призывом не оказывать сопротивление немецким войскам, вступившим в Словакию для установления в ней порядка и борьбы с партизанами.

пассивностью содействовал партизанскому движению. Причиной отстранения и ареста³⁴ Чатлоша явилось недоверие и нажим со стороны немцев, которые подозревали, что он саботирует мероприятия, направленные в пользу немцев. Выступления Чатлоша подкармливались славянизмом, однако имели определенно антисоветский характер”.

Но вернемся к показаниям самого Чатлоша. В биографических данных он особо отметил, что родился в семье каменщика (считая, что “пролетарское происхождение” придаст ему вес в глазах советских властей) 17 сентября 1895 г. Служил в австро-венгерской армии и “летом 1915 года был взят в плен русскими”. Изъявив добровольно желание вступить в чехословацкий национальный легион, Чатлош “принимал участие в боях против Красной Армии”. В июле 1920 г. прибыл во Владивосток, откуда “в чине капитана командира батальона возвратился в Чехословакию”. Дальнейшая военная карьера Чатлоша складывалась удачно. В 1927 г. он стал слушателем Академии Генерального штаба чехословацкой армии, которую окончил в 1930 г. в звании майора. В октябре 1938 г., когда Словакия получила автономию, Чатлош был назначен заместителем главнокомандующего чехословацкой армией (по Словакии). По своим политическим убеждениям, по словам Чатлоша, он являлся сторонником автономии и независимости Словакии, поддерживал словацкую народную партию, хотя формально как военный не был ее членом. При образовании правительства Тисо получил в нем пост военного министра и главнокомандующего словацкой армией. Как писал Чатлош, он “твердо верил в провозглашенную независимость Словакии”, хотя понимал, что Тисо и Тука³⁵ “придерживались германской ориентации и по существу действовали по указке Гитлера”³⁶.

Обстоятельства появления Чатлоша на повстанческой территории согласно его показаниям и другим имеющимся в деле материалам выглядят следующим образом. 1 сентября, бежав из-под стражи в Братиславе, опальный министр появился в центре восстания Банской-Бистрице. Здесь он встретился с подполковником Голианом, а также с советским капитаном Егоровым, которого просил содействовать его переправке в Советский Союз, чтобы договориться там о совместных действиях и рассказать о ситуации в Словакии. Егоров, по словам Чатлоша, пригласил его в свою бригаду, в горы, якобы для участия в допросе пленного генерала Туранца³⁷. По прибытии в бригаду Чатлош был взят под стражу. В сообщении начальника Украинского штаба партизанского движения (УШПД) генерал-лейтенанта Т. Строкача начальнику Главного управления контрразведки “СМЕРШ” НКО СССР В.С. Абакумову от 14 сентября 1944 г.³⁸ говорилось о “взятых в плен украинскими партизанами” двух словацких генералах – Чатлоше и Туранце. “Следует отметить, – писал Строкач, – что на захваченной партизанами территории находилась семья генерала Чатлоша, что, видимо, послужило основной причиной прибытия его в район, занятый партизанами”. Эта же версия перехода Чатлоша на повстанческую территорию слово в слово повторялась в записке 1-го секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева, направленной И.В. Сталину 15 сентября 1944 г. В записке излагались обстоятельства пленения двух словацких генералов и сообщалось, что они направлены в Москву в распоряжение Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии³⁹. Судя по известным автору документам, стремление обезопасить семью было одной из причин появления Чатлоша на повстанческой территории, но главным было вступить в непосредственный контакт с повстанцами и предложить свои “услуги” советской стороне. В деле сохранилось и письмо Чатлоша к жене и дочерям

³⁴ Чатлош, смещенный с поста главнокомандующего словацкой армией, был подвергнут домашнему аресту.

³⁵ В. Тука – прогермански ориентированный глава словацкого правительства.

³⁶ ЦА ФСБ РФ, Протокол допроса Чатлоша от 15 января 1946 г., блок 1, л. 24–30.

³⁷ Й. Туранец был назначен главнокомандующим словацкой армии после смещения с этого поста Чатлоша.

³⁸ ЦА ФСБ РФ, Протокол допроса Чатлоша от 15 января 1946 г., блок 1, л. 54–55.

³⁹ Из Архива Президента РФ. Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 6, с. 119–120.

(на словацком языке)⁴⁰, написанное 27 сентября, но, видимо, так и не отправленное. Чатлош просил послать ответ на адрес командования в Банской-Бистрице, которое, как он предполагал, перешлет его в Москву в Народный комиссариат обороны. Это говорит о том, что в это время Чатлош еще был уверен в возможности доверительных отношений с советскими властями взамен информации, предоставленной им. Как следовало из его более позднего обращения к чехословацкому правительству, он не ожидал, что будет в Москве заключен в тюрьму.

Второе из собственноручных показаний Чатлоша датировано 26 сентября 1944 г.⁴¹ и состоит из трех частей, озаглавленных “Общая обстановка”, “О словацких делах” и “Мои связи по подготовке восстания против немцев”. Чатлош высказал убеждение в отсутствии у Германии, которую он назвал “живым трупом”, перспектив на победу в войне и рассказал о посещении в мае 1944 г. вместе с Тисо и другими представителями словацкого руководства Главной ставки Гитлера. Фюрер, по словам Чатлоша, заявил, что ожидает высадки англичан и американцев во Франции и убежден, что она будет отбита германской армией, которая поведет наступление против СССР и “закончит войну в свою пользу”. По мнению Чатлоша, Гитлер ожидал благоприятного случая “для компромиссного решения войны”: “Среди германофилов и немцев имеется надежда на то, что именно Дарданеллы и Босфор явятся предметом раздора между Советским Союзом и англо-американцами”; кроме того, “германская пропаганда старается запугать Англию и Америку большевизмом”, много надежд также возлагается на применение “нового секретного оружия, которое якобы заставит Англию пойти на мир с Германией”.

Перейдя к военным вопросам, Чатлош сообщил, что в начале войны Словакия мобилизовала 80 тыс. человек в армию и что 50 тыс. из них были отправлены на Восточный фронт. Из этого числа он как военный министр вернул 3/4 (более 30 тыс.) в Словакию, “доказав германскому командованию, что у нас не хватает рабочей силы и военных материалов... для содержания словацких частей на германо-советском фронте. На фронте осталась одна символическая дивизия с командиром Туранец, который был тогда полковником”. Вторая дивизия находилась в тылу, как оккупационная дивизия. В первой было около 12 тыс. человек, во второй – около 8 тыс. “Фронтная дивизия, – писал Чатлош, – была отправлена позднее в Крым, и осенью 1943 г. немцы бросили ее в бой против советских войск, несмотря на мои протесты (документы об этом – в Словакии)”. В первом и последнем столкновении с русскими⁴² половина дивизии перешла на сторону Красной Армии, часть дивизии образовала партизанский отряд в районе Одессы и позже соединилась с Красной Армией. Возвратившаяся на родину часть (3800 человек) была переименована в “Техническую дивизию”, которую использовали сначала в Румынии, а затем в Венгрии: “Я постоянно требовал возвратить упомянутую дивизию в Словакию, но немцы не пожелали этого сделать. Оккупационная дивизия (“Охранная дивизия”. – В.М.) после того, как ее военнослужащие стали переходить на сторону партизан, была отправлена немцами в Италию, где использовалась как 2-я техническая словацкая дивизия (около 4000 человек)⁴³. Я требовал также возвращения в Словакию и этой дивизии, но безрезультатно”.

Далее Чатлош писал: “В связи с тем, что немцы не отпускали наши дивизии обратно в Словакию, я воспользовался этим предложением, чтобы получить разрешение немцев на формирование 2-х новых словацких дивизий на территории Словакии, якобы для защиты Словакии от Красной Армии. Фактически же план состоял в следующем: сформировать две дивизии в восточной Словакии (кроме тыловых гарнизонов, равных

⁴⁰ ЦА ФСБ РФ, отдельный конверт.

⁴¹ Там же, Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армией генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г., блок 1, л. 5–18.

⁴² Современная словацкая историография рисует более сложную картину действий “Быстрой дивизии”.

⁴³ Командир дивизии Я. Имро вместе со своим штабом перешел на сторону союзников и был переправлен в Лондон. – Slovenské národné povstanie, s. 322.

одной дивизии) и при приближении Красной Армии к восточным границам Словакии разоружить немецкие части, открыть границу для Красной Армии и вместе с ней воевать против Германии. ...Германия дала свое согласие на формирование двух новых словацких дивизий, но ввела в восточную Словакию одну танковую дивизию и один полк, так как, очевидно, немцы нам не доверяли" (судя по известным автору документам, так оно и было. – В.М.).

Чатлош изложил свою версию вступления Словакии в войну с СССР и утверждал, что возражал против этого, мотивируя неготовностью словацкой армии: "Тука рассердился и ответил, что политические аргументы являются более важными, чем военные". Затем Тука и Чатлош были приняты Тисо: "Последний долго раздумывал и был в нерешительности, однако германский посланник торопил (если сегодня Гитлер не получит ответ, – говорил он, – то Словакия почувствует последствия). Президент высказался не за объявление войны СССР, а за присоединение словацкой армии к германской армии, чтобы показать миру, что мы были вынуждены это сделать. Еще перед этими событиями, которые я предвидел, я подал просьбу президенту об освобождении меня от должности министра и главнокомандующего армией. Однако ни эта просьба, ни последующие просьбы президентом удовлетворены не были. Оставаясь на этой должности, я старался так координировать словацкие интересы с интересами Германии, чтобы по возможности не воевать против СССР на стороне Германии, а сохранить в этой войне словацкий народ. Я считал, что сопротивление маленькой Словакии германской армии привело бы в начале войны к истреблению словацкого народа. Эмигрантское правительство Чехословакии находилось, конечно, в других условиях и могло свободно высказаться против компромиссной политики с Германией. Однако в самой Словакии, насчитывающей 2,5 млн. жителей, диктовалась в то время другая необходимость, а именно путем оппортунистической политики сохранить народ... за всю войну Словакия потеряла только 2000 человек убитыми... находясь под контролем немцев, мы не могли действовать иначе... Другого выхода не было. В противном случае Германия нас могла уничтожить. До окончания войны нужно было использовать легальные возможности. Как они были использованы, видно по теперешним событиям в Словакии". На место Чатлоша, как он считал, в противном случае "был бы поставлен более надежный для немцев человек, который ввел бы строгую дисциплину в войсках, направленную против СССР, и словацкая армия не была бы готова к переходу на сторону Красной Армии. Такой главнокомандующий мог бы провести репрессии среди офицеров, симпатизирующих СССР, и повести борьбу в Словакии против русских партизан... Я же старался делать то, что ослабляло силы немцев и укрепляло славянские связи. В результате – словацкая армия была и осталась противником правительства и пронемецких организаций".

"Я сохранил в армии, – продолжал Чатлош, – неблагоприятные с точки зрения немцев элементы, которые немцы и германофилы требовали выгнать из армии (документы хранятся в архиве). Не было произведено в армии ни одного расстрела, на совершении которых немцы в ультимативной форме настаивали. Для оправдания перед немцами полевые суды выносили приговоры, но не приводили их в исполнение. Подсудимого обычно переводили в другую часть или отзывали в Словакию без всяких наказаний". Чатлош утверждал, что в целях облегчения для словацкой армии задачи успешно действовать против немцев, он "добился отправки в конце августа всех германских офицеров и солдат из словацкой армии, мотивируя маршалу Кейтелю тем, что присутствие германских офицеров в словацкой армии вызывает антагонизм". "Я радовался, что мне удавалось обманывать немцев и в некоторой степени провести свою политику, т.е. такую, как проводил мой коллега в Чехии, премьер правительства ген. Элиаш⁴⁴ – бывший легионер чехословацких войск". Чатлош уверял, что "имел в армии большое влияние" и просил использовать его "на какой-либо должности" в словацкой армии "в интересах Советского Союза и словацкого народа". По его утверждению, во время войны он при-

⁴⁴ А. Элиаш был арестован немцами осенью 1941 г. за контакты с подпольными военными организациями, связанными с чехословацким эмигрантским правительством, и в 1942 г. расстрелян.

держивался принципа “не воевать против СССР и до определенного момента не выступать против немцев”.

В разделе “О словацких делах”, подчеркивая, что он “служил и будет служить своему народу при любых обстоятельствах”, Чатлош писал: “Если будущая форма чехословацкой республики даст словацкому народу равные права с чехами, то я вполне согласен на союз с чехами и Советским Союзом. При этих условиях весь словацкий народ объединится вокруг СССР”. Чатлош рекомендовал обратить “серьезное внимание” на движение в Словакии и оказать ему “полную поддержку”, так как “в случае поражения немцев и победы народа события в Словакии послужат примером для остальных малых народов – Чехии, Моравии, Венгрии, Австрии и Хорватии”. Указывая, что “лучшие офицерские силы страны” находятся вне нее, в так называемых двух технических дивизиях, он считал актуальной “помощь словацким партизанам советскими офицерами”: “По моему мнению, срочно нужно было бы направить одного-двух полковников или генералов для руководства военным партизанским движением, человек 10 командиров батальонов и 20 командиров рот. При этом я считаю, что командиры рот и батальонов должны быть прикомандированы к словацким офицерам”.

Чатлош утверждал, что в период подготовки восстания он содействовал саботированию “мероприятий по борьбе с партизанами” и заявлял, что хотел бы “только принять активное участие в борьбе против Германии”: “Лично я не фашист и не религиозный фанатик. По своим убеждениям я на стороне СССР... то, что делается в СССР, мне больше импонирует, чем в стране, где я до сих пор жил”. Чатлош просил дать ему возможность выступить по радио из Москвы, считая, что это было бы ударом по правительству и немцам. “Я убежден, – заканчивал свои признания генерал, – что делал для своего народа только хорошее. Мой народ, за исключением некоторых лиц, меня понимал”. К показаниям была приложена сделанная от руки Чатлошем схема боевой операции, которую он просил передать капитану Егорову в Банску-Бистрицу. Пояснения и обозначения, сделанные на русском языке, касались наступления на города Липтовски-Свети-Микулаш и Ружомберок. Далее следовал подробно начерченный план атаки и расположения объектов.

В деле существует и еще один документ под названием “Собственноручные показания Чатлоша” от 26 сентября 1944 г.⁴⁵ По всей видимости это неотредактированный, написанный самим Чатлошем на очень “корявом” русском языке первый вариант показаний, который содержит некоторые, затем выпущенные сюжеты, в частности предложение плана военных операций Красной Армии по помощи повстанцам и освобождению Словакии, а также рассуждения о том, “что надо было в Словакии лучше организовать”. Чатлош, например, полагал, что руководить акцией в Словакии следует централизованно из СССР, учитывая все личные и материальные ресурсы, которыми располагает Словакия, для их концентрации и эффективного использования.

28 сентября Чатлош дал третьи по счету “Собственноручные показания”⁴⁶. Они открываются разделом “Стратегический обзор”. Его автор, в частности, излагал свое мнение об англо-американских бомбардировках, основной целью которых являются германские заводы по производству синтетического бензина и самолетов, особенно истребителей. Что же касается промышленности, производящей другие военные материалы и вооружение, в частности танки, то “она работает почти беспрепятственно”. “В Германии по этому поводу говорят, – замечает Чатлош, – что англо-американцы заинтересованы в том, чтобы не оставить совсем Германию без средств войны и создать условия для равномерного ослабления Германии и Советского Союза”. Далее Чатлош изложил свои предложения по военным вопросам, направленные с курьером в СССР в августе 1944 г.⁴⁷ В них предполагалась организация взаимодействия Красной Армии и

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ, Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армией генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г., блок 2, л. 13–24.

⁴⁶ Там же, Собственноручные показания военнопленного генерала Чатлоша 28 сентября 1944 г., блок 1, л. 20–23.

⁴⁷ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос..., кн. 2, с. 203–219.

словацкой армии. “В течение суток, – полагал генерал, – можно было бы ликвидировать словацкое правительство и передать власть военному руководству”. Чатлош считал, что наступление советских войск и трех словацких дивизий к границам Моравии, Венгрии и Австрии застало бы Германию врасплох, что Венгрия, а за ней и Румыния в этих условиях пошли бы на капитуляцию и, следовательно, был бы открыт путь на Балканы через Венгрию и на соединение с армией Тито. “Жаль только, – писал Чатлош, – что события пошли по-другому и это осталось только как теоретический вопрос”. Но, по его мнению, “кое-что осталось актуальным и можно было бы осуществить в другой форме”: “направление на Краков избрать как второстепенное, а главное – наступление маршала Малиновского⁴⁸ на Венгрию и Северные Карпаты, вступление советских войск на территорию Словакии”. Далее Чатлош советовал, чтобы Красная Армия шла на Берлин не через Варшаву, так как это будет очень медленно, а наступала на юг и юго-восток Германии, которая концентрирует свои основные силы на севере страны. Генерал полагал в этих условиях возможность развития партизанского движения и восстаний в Австрии. “Чехию и Моравию можно было бы легче освободить с юга, чем с севера”, – считал Чатлош. Специально он коснулся вопроса об освобождении юго-западной Словакии. Наземное наступление в одном направлении, считал он, может затянуться в Словакии надолго. Поэтому целесообразно комбинированное наступление при поддержке партизан и авиадесантов в районе Трнава – Миява – Нове-Место. “Братиславское правительство, – писал он, – приготовилось уже бежать в Германию и в Швейцарию. Можно было бы одновременно воспрепятствовать этому”. В конце прилагался перечень объектов для бомбардирования (военные заводы, мосты, железнодорожные узлы) в Братиславе, Леопольдове, Тренчанских Бискупцах, Дубнице, Поважской-Быстрице, Нитре, Жилине, Кошице. Кроме того указывались деревни Лимбах (примерно в 30 км севернее от Братиславы), центр приезжающих в Словакию германских заправил (дана схема); Св. Юр, где находился Дом германской национал-социалистической партии; Турминоук, резиденция Туки.

Основной характерной особенностью всех трех сентябрьских 1944 г. показаний Чатлоша являлось стремление их автора оправдаться за свою деятельность военного министра правительства Тисо, показать себя перед советскими властями с лучшей стороны, предложить свои услуги в деле окончательного разгрома гитлеровской Германии и освобождения Словакии. В октябре-ноябре 1944 г. им был написан ряд заявлений, свидетельствующих о том, как он себе представлял свою роль. 4 октября Чатлош подготовил письмо на имя генерала Виеста⁴⁹, а 26 октября – заявление (на русском и словацком языках без адресата), в котором он просил принять его в действующую чехословацкую армию на любую должность и давал обещание выполнять все поставленные перед ним задачи⁵⁰. В деле имеется также обращение Чатлоша в чехословацкое посольство в Москве (через военного атташе) от 12 ноября 1944 г. с просьбой выслушать его (prosba o vypočutie)⁵¹. Документ написан чернилами на словацком языке. В конце приписка на русском языке: “Господин начальник тюрьмы! Прошу отослать чехословацкому военному атташе через Комиссариат народной обороны!”. Просьба выполнена не была. В неотправленном обращении Чатлош ходатайствовал о возможности подать прошение правительству и президенту ЧСР в Лондоне о решении следующих вопросов: 1. Считать его в будущем гражданином ЧСР; 2. Дать возможность ему разъяснить свое дело компетентным лицам, поскольку он – “решительно не предатель чехословацкой ориентации”. Чатлош полагал, что его чересчур поспешно причисляют к разряду военных преступников, которых ожидает суд, обращал внимание на то, что после соответствующего разбора дела “все буде наоборот” и проявится неслыханная юридическая и военная ошибка, совершенная на основе поверхностной и односторонней информации;

⁴⁸ Р.Я. Малиновский – командующий 2-м Украинским фронтом.

⁴⁹ Р. Виест – с начала октября 1944 г. командующий повстанческой армией в Словакии.

⁵⁰ ЦА ФСБ РФ, Собственноручные показания военнопленного генерала Чатлоша 28 сентября 1944 г., блок 1, отдельный конверт.

⁵¹ Там же, блок 2, л. 48.

3. Перестать игнорировать его как изменника и военного преступника и через военные инстанции СССР как можно скорее начать предварительное следствие. Чатлош сообщал также, что перед отлетом из Словакии он в разных местах оставил на хранение исторически весьма ценные документы, необходимые для оценки чехословацкой военной деятельности и компрометирующие немецкое военное командование. Он опасался, что этот уникальный доказательный материал, из которого ясно видна его настоящая деятельность в период существования Словацкой республики, попадет в руки словацкого правительства или немцев и будет уничтожен. 20 ноября Чатлош написал (на русском и словацком языках) обращение к министру национальной обороны чехословацкого правительства в Лондоне С. Ингру⁵², он просил его как можно скорее дать ему аудиенцию либо в Лондоне, либо в другом месте, поскольку у него имеются сведения, которые он может сообщить только в личной беседе, а они имеют большое значение для будущего Чехословацкой республики. Но и это письмо, судя по всему, не вышло из стен тюрьмы. 21 ноября Чатлош обратился в Народный комиссариат обороны СССР⁵³ с просьбой определить его положение, поскольку он “не попал в плен”, а изъявил (“Вашему командиру партизан”) добровольное желание ехать в СССР, куда прибыл из “союзного лагеря”, дезертировав из словацкого правительства и добровольно решив бороться против гитлеризма, за что и был разжалован из генералов и лишен министерской должности. Чатлош изъявлял желание работать на таком месте, где его знания, военные и политические, были бы более полезны. Он полагал, что лучше всего было бы прикомандировать его к тому советскому командиру на фронте, который поведет наступление через словацкую территорию. Генерал настаивал на том, что он не является военнопленным и поэтому не может ни содержаться под арестом, ни быть интернированным. Он мотивировал это тем, что представители других враждебных СССР стран (Финляндии, Румынии) не лишены в Советском Союзе свободы, и просил аналогичного отношения к себе. Чатлош выражал пожелание личной встречи с “компетентным политическим лицом в Москве”, с чехословацкими представителями, особенно военными, а также очной ставки со словацкими офицерами, прибывшими в СССР в последнее время. Это письмо, как и предыдущее, не получило хода.

Не дождавшись ответа ни на одно из своих обращений, Чатлош, видимо, понял, что его планам не суждено осуществиться. Зима 1944/45 гг. не принесла для него ничего нового. Условия жизни в тюремной камере № 195, где Чатлош находился вместе с генералом Туранцем, были суровы. Об этом свидетельствует, в частности, записка от конца ноября, где генерал просил у тюремного начальства в связи с наступившими холодами выдать ему рубашку, кальсоны, шерстяные чулки, сапоги, перчатки, одеяло, очки (3 диоптрии), бумагу, карандаши. Судя по пометкам, его просьба была удовлетворена лишь частично: он не получил ни рубашки, ни кальсон, ни перчаток, ни сапог⁵⁴.

Примерно тогда же Чатлош обратился с настойчивой просьбой дать бумагу для него (50 листов) и для Туранца (20 листов). Он писал, что бумага для него – это единственное средство в тюрьме, удерживающее его в жизни, и необходима для того, чтобы он смог описать весьма важные для Словакии вещи, а также изложить свое личное дело⁵⁵. Чатлош, видимо, действительно много писал. В конце декабря 1946 г. при переводе генерала из одной тюрьмы в другую у него при обыске согласно описи было изъято 365 листов переписки на иностранном языке (по всей видимости, словацком), а также переписка на маленьких клочках бумаги тоже на иностранном языке⁵⁶. В деле сохранился, например, документ, датированный 25 марта 1945 г. “Čatloš: K Stalinovi”⁵⁷. Это – 18 двусторонних листов небольшого формата, иписанных убористым почерком на словацком языке и, к сожалению, не расшифрованных автором статьи. Представляется, что это – нечто вроде

⁵² Там же, л. 47.

⁵³ Там же, л. 49.

⁵⁴ Там же, л. 3.

⁵⁵ Там же, л. 1.

⁵⁶ Там же, л. 14.

⁵⁷ Там же, л. 4–12.

записок, размышлений Чатлоша, изложенных в художественной (возможно даже поэтической) форме, о себе, о словаках и Словакии, о немцах и Советах.

Так Чатлош, видимо, коротал время зимой, но весной 1945 г. он снова решил напомнить о себе советским властям, написав 15 марта очередное Обращение в Народный комиссариат обороны⁵⁸. В связи с полугодовым его содержанием в тюрьме Чатлош просил освободить его от тюремного заключения и отправить на родину. Он повторял коротко сведения, сообщенные в показаниях сентября 1944 г., настаивал, что именно он подготовил в Словакии условия для движения против Германии и дал ему возможность осуществиться, что он, будучи военным министром, практически уже в 1943 г. прекратил войну. Но и это обращение не получило отклика.

* * *

Свое 50-летие 17 сентября 1945 г. Чатлош по-прежнему встречал в камере Бутырок. В начале 1946 г. советские власти снова проявили к нему интерес. И связано это было, вероятно, прежде всего с тем, что 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге начался судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками (он завершился 1 октября 1946 г.). Показания Чатлоша, который общался с некоторыми из них, прежде всего представлявшими командование вермахта, могли оказаться полезными для Международного военного трибунала. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что рассматривался и вопрос о возможности отнесения Чатлоша к разряду военных преступников (не исключено, что на этом настаивала чехословацкая сторона, однако автору не известны подтверждающие это документы). Возможно, также необходимы были материалы о политике и действиях нацистской верхушки в зависимых от Германии странах, в том числе и в Словакии. Кроме того, в Чехословакии, где еще в июне 1945 г. были изданы декреты о наказании нацистских преступников, изменников и их пособников, начали действовать народные и Национальные суды. Национальный суд в Братиславе приступил к рассмотрению дел находившихся в заключении руководителей Словацкого государства, одним из которых был и Чатлош. До сентября 1946 г. в Словакии были осуждены 20 обвиняемых, 6 из них, в том числе Тука, получили смертные приговоры⁵⁹.

15 января 1946 г. оперуполномоченным 2-го отдела Главного управления контрразведки СМЕРШ был официально допрошен и Чатлош⁶⁰. Материалы этого и второго (в декабре 1946 г.) допросов по форме и сути резко отличаются от вышеописанных “собственноручных показаний” Чатлоша, которые, хотя и были отредактированы следователями, но первоначально писались самим заключенным, видимо в произвольной форме и, как уже говорилось, с акцентом на выигрышные для него моменты. В протоколах допросов 1946 г. ощущается определенная направленность и желание получить нужные результаты. Первый из них написан от руки чернилами, каждый из 12 листов подписан: Фердинанд Чатлош. Значительная часть допроса касалась деятельности Чатлоша до 1939 г., которая освещена более подробно и часто в невыгодном для него свете (например, участие в качестве легионера в боях против Красной Армии, содействие войскам Колчака). Следователя интересовала также деятельность Чатлоша в качестве офицера чехословацкой разведки и контрразведки, как и почему он стал военным министром в правительстве Тисо, какой позиции придерживался при объявлении Словакией войны против СССР. Отвечая на эти вопросы, Чатлош по сути не сказал ничего нового по сравнению с предыдущим.

Более конкретно и подробно (в связи с поставленным вопросом) генерал говорил о том, что он делал как военный министр и главнокомандующий словацкой армии после вступления Словакии в войну. “Чтобы доказать свою верность в службе интересам Германии, – показал Чатлош, – и добиться этим самым территорий, находившихся под ве-

⁵⁸ Там же, Народному комиссариату военных, 15 марта 1945, л. 46.

⁵⁹ *Barnovský M. Na ceste k monopolu moci. Mocensko-politické zápasy na Slovensku v rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993, s. 120.*

⁶⁰ ЦА ФСБ РФ, Протокол допроса Чатлоша от 15 января 1946 г., блок 1, л. 24–36.

дением Венгрии, мы (здесь, видимо, имеется в виду все словацкое руководство. – *В.М.*) стремились как можно быстрее поддержать в войне Германию и опередить в этом вопросе Венгрию. Поэтому и военные приготовления начались незамедлительно. На другой день, 23 июня 1941 г., я вызвал к себе начальника штаба министерства обороны полковника Татарко и продиктовал ему содержание декрета о мобилизации призывных возрастов в армию, издал приказы о формировании новых словацких воинских частей и приступил к отправке войск на советско-германский фронт... В первых числах июля 1941 г. на фронт против Красной Армии я отправил две боеспособные дивизии, а сам как главнокомандующий со своим штабом выехал в г. Хиров (Польша)". Словацкая армия была подчинена немецкому командующему оккупационными войсками Львовского округа – генералу фон Рокку. Кроме того, все военные вопросы согласовывались с представителем немецкого верховного командования при штабе Чатлоша генералом Отто. Согласно приказу фон Рокка словацкие дивизии были размещены: первая (генерал Малар) – в г. Драгобыч, вторая (генерал Туранец) – в районе г. Хиров. Пока дивизии находились на охране коммуникаций Чатлош отдал приказ обучать их в целях подготовки к предстоящим боям. В первых числах июля в соответствии с немецким планом словацкие дивизии были переброшены: первая – в район Стрий и Самбор, вторая – в Гродек. Чатлош со штабом переехал в деревню Любень в 60 км от Львова. Вскоре он приказал из двух дивизий сформировать одну, оснастить ее современным вооружением и техникой и отправить на фронт. Эта дивизия под командованием генерала Туранца была введена в бой против Красной Армии на Днепре, южнее Киева. 13 августа, по словам Чатлоша, он возвратился в Братиславу и "сразу принялся за работу по подготовке все новых и новых контингентов для отправки на фронт как пополнение... кроме того, организовывал отправку продуктов питания, амуниции и боеприпасов для словацких войск, находившихся на восточном фронте". Чатлош заявил также, что, приветствуя солдат старших возрастов, возвращавшихся с фронта, он "выражал им благодарность за проявленную борьбу с большевиками, напутствовал их на труд во имя победы немецких и словацких войск".

Все это находится в явном противоречии с тем, о чем говорил Чатлош ранее, стремясь представить себя в выгодном свете. Особенно это видно из ответа на вопрос следователя: "Выступая идейно и с оружием в руках против Советской России, Вы, значит, верили в победу немецкого оружия?". Ответ: "Да, я был глубоко убежден, что Германия победит Советскую Россию и со своей стороны прилагал все усилия, чтобы словацкая армия на советском фронте проявила бы себя положительно в оценке немецкого командования. Мои личные убеждения против большевиков жили во мне еще со времен революции, когда большевики выступили против старых порядков, против религии – с чем я никогда не мирился – поэтому и в эту войну я прекрасно помнил это и выступал против Советской России". Чатлош сообщил, что во время войны он четыре раза встречался с Гитлером⁶¹. На вопрос о том, что побудило его перейти в лагерь борющихся против

⁶¹ Первая состоялась весной 1939 г. по случаю 50-летия со дня рождения Гитлера. Вторая – весной 1942 г., когда Чатлош с Тисо были в Ставке Гитлера в районе г. Растенберг в Восточной Пруссии. Фюрер "на картах фронтов рассказал военную обстановку, отметил хорошие боевые дела словацких войск и обещал еще для словацкой армии дать в достаточном количестве вооружения и боеприпасов. После приема Гитлером я был вызван к Браухичу, который лично продемонстрировал работу войсковой оперативной связи". Третья встреча – в августе-сентябре 1943 г. в резиденции Гитлера в Зальцбурге, где он "опять объяснял военную обстановку на фронтах и требовал, чтобы мы пополнили людьми находившиеся на советском фронте дивизии". Четвертая, последняя – в мае 1944 г. опять в Зальцбурге вместе с Тисо и Тукой. Гитлер объяснил причины отступления немецкой армии на Восточном фронте и говорил о мерах, предпринимаемых против предполагавшейся высадки англо-американских войск. В этот же раз Чатлош был принят Кейтелем, который "требовал сформировать еще двенадцать батальонов и пополнить оккупационные дивизии в Италии и дивизию, действующую на советском фронте". "Результатом моих усилий, – по признанию Чатлоша, – явилось то, что словацкие воинские части принимали деятельное участие на стороне немецких войск в боях против Красной Армии". Лично Гитлером Чатлош был награжден крестом "За военные заслуги".

гитлеровской Германии, Чатлош ответил: “Как только стало очевидно, что поражение немецких войск неизбежно и что дальнейшая поддержка Германии бессмысленна, я немедленно принял решение отойти от борьбы, служившей интересам Германии, и перейти в антигитлеровский лагерь”. Трудно сказать, когда он был искренним в 1944 или в 1946 г.? В 1944 г. Чатлош тоже говорил правду, но “выгодную” для себя правду.

Прошел почти год, прежде чем снова понадобились показания Чатлоша. 11 декабря 1946 г. он снова был подвергнут допросу⁶², но теперь его допрашивали уже представители управления контрразведки МГБ СССР. Протокол, отпечатанный на пишущей машинке, оформлен по всем правилам: каждая его страница подписана собственноручно Чатлошем. В конце текста – фраза: “Протокол с моих слов записан правильно и зачитан на понятном мне русском языке. Чатлош”. Что происходило с Чатлошем с января по декабрь 1946 г. из дела неясно. Бросается в глаза то, что стиль, форма, терминология и даже содержание протокола допроса отличаются не только от собственноручных показаний 1944 г., но и от протокола январского допроса в начале года. В чем или в ком причина: в самом ли Чатлоше, в тех ли, кто снимал допрос, или в обстоятельствах его проведения? Скорее всего – во всем вместе взятом. Вспомним, что в декабре 1946 г. в Чехословакии начался судебный процесс по делу Тисо, исход которого с точки зрения квалификации его деятельности как предательской, изменнической, сепаратистской, националистической был ясен с самого начала, хотя вопрос о мере наказания не был предreshен. К разряду военных преступников чехословацкие власти относили и Чатлоша. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что процесс по делу Тисо готовился не без советов и консультаций представителей соответствующих чехословацких органов с их советскими коллегами. Возможно, и допрос Чатлоша включался в качестве составного элемента в сценарий начавшегося процесса. В этом случае можно допустить, что и схема допроса, его содержание были согласованы чехословацкой и советской сторонами. Можно предположить и другое: ясно было, что Чатлоша нельзя держать до бесконечности в советской тюрьме, что он должен предстать перед чехословацким судом, и советская служба госбезопасности решила снять с Чатлоша последний допрос для собственных нужд.

При знакомстве с протоколом допроса возникает ощущение беспощадности Чатлоша по отношению к себе. Объяснений тут может быть два: либо он был в этот раз до конца откровенен и резок в оценках своих собственных позиций и прошлой деятельности, либо отчетливо понимал (и не мог противиться этому), чего от него хотели, каких ответов ждали. Формулировки ответов Чатлоша чересчур самокритичны. Складывается впечатление, что он уже не боится предстать перед советскими властями в “неприглядном свете”, показаться “врагом”, что саморазоблачение становится лейтмотивом его поведения. Возникает вопрос, почему Чатлош так вел себя? То ли потому, что осознал бесполезность словесного комунфляжа и, наконец, предпочел истину лжи (или полуправде), то ли потому, что подписал требуемые от него показания в обмен на обещание сохранения жизни и получения сравнительно легкого наказания? Изученное дело не позволяет дать ответ на этот вопрос.

* * *

Из дела все же ясно, что Чатлоша в декабре 1946 г. уже рассматривали как участника процесса по делу Тисо. Упор был сделан на его националистические позиции до расчленения Чехословакии, на конкретную деятельность в правительстве Тисо, на участие Словакии в войне против Польши и против СССР. Как вопросы, так и ответы пестрели терминами (чего не было раньше) “словацкий фашизм”, “реакционные замыслы Тисо и Туки”, “марионеточное правительство Словакии” и т.д. Протокол допроса свидетельствует о том, что еще в самом начале процесса по делу Тисо, и пока не являясь его фор-

⁶² ЦА ФСБ РФ, Протокол допроса бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армией генерала 1-го класса Чатлош Фердинанда от 11 декабря 1946 г., блок 1, л. 37–50.

мальным участником, Чатлош уже признал себя виновным и не пытался оправдывать и объяснять свои поступки, как было раньше. Допрос был как бы репетицией его поведения на суде, а формулировки протокола вполне годились для текста обвинительного приговора.

Теперь – о содержании самого допроса. Он начался с вопроса о причинах “перебежки” Чатлоша к партизанам. Объяснения по сути не отличались от ранее данных, но по форме различия заметны: “Я понимал, что мне за многолетнее сотрудничество с Гитлером и его ставленниками в Словакии придется нести ответственность, поэтому я решил в совместной борьбе с партизанами против фашизма искупить до некоторой степени мою вину перед словацким народом”. Ничего подобного в более ранних материалах “дела” не было, и речь об искуплении вины не шла. По словам Чатлоша, в неизбежном разгроме гитлеровской Германии он убедился в сентябре 1944 г. (прежде же им назывались другие, более ранние сроки). На вопрос: “А до этого у вас были иные убеждения?” зафиксирован четкий ответ: “Да, до этого я был убежден в победе Германии над Советским Союзом и со своей стороны как военный министр прилагал все усилия к тому, чтобы словацкие дивизии, находившиеся на советско-германском фронте, способствовали бы этой победе”. Как следует из вышеприведенного, прежде он утверждал обратное. В жестких формулировках Чатлош говорил о своих “националистических взглядах” и о “продолжительной деятельности, направленной на осуществление автономии Словакии”. Он “прямо заявил”, что “всю свою власть главнокомандующего использовал для осуществления реакционных замыслов Тисо и Туки, под личным руководством которых провел ряд мероприятий, подготовивших впоследствии отторжение Словакии от Чехословацкой республики”.

Чатлош признался, что по поручению Тисо реорганизовал словацкую армию в соответствии с программой словацких автономистов, для чего содействовал переводу из чехословацких частей в словацкую армию сотен офицеров-словаков и замещал ими офицеров-чехов, а также увеличил численность словацкой армии. В октябре 1939 г., по словам Чатлоша, Тисо поручил ему создание отрядов “глинковой гвардии”, которые уже тогда формировались по типу отрядов СС и с помощью которых Тисо и Тука надеялись установить режим “словацкого фашизма”.

Далее Чатлош показал, что о готовящемся отторжении Словакии ему стало известно в начале марта 1939 г. и что он “как старый националист” считал “провозглашение государственной самостоятельности Словакии и сотрудничество с гитлеровской Германией положительным и знаменательным событием в истории Словакии и целиком поддерживал его... На протяжении 5 лет я был ближайшим сподвижником Тисо в деле сотрудничества с Германией... содействовал осуществлению захватнических планов Германии”. На вопрос о том, какие указания Чатлош получал от Тисо как министр его правительства, генерал сообщил, что Тисо передал ему указание Гитлера создать многочисленную, но хорошо подготовленную словацкую армию при помощи представителей германского вермахта. Указывая на протяжении всего периода сотрудничества с Германией на необходимость ревностного выполнения всех требований и пожеланий германского Верховного командования, Тисо, как считал Чатлош, “пытался повлиять на изменение решений Венского арбитража, по которому Гитлер... отрезал у Словакии часть территории в пользу Венгрии. В связи с этим мы постоянно стремились к тому, чтобы заслужить одобрение Гитлера и тем самым выгодно выделить Словакию по сравнению с Венгрией”. Руководствуясь указаниями Гитлера и Тисо, Чатлош совместно с личным представителем Гитлера генерал-лейтенантом Баркхаузенем уже в марте 1939 г. разработал план реорганизации боевой подготовки словацкой армии. Он предусматривал увеличение ее численности до 30 тыс. человек, подготовку словацких частей под руководством германских офицеров-инструкторов и полное изгнание чехов из словацкой армии. Одновременно как военный министр Чатлош способствовал передаче в ведение немцев словацких военных заводов, военно-химической промышленности и стратегического сырья. Весной 1939 г. Чатлош дал “обязательство Германскому верховному командованию подготовить транспорт и коммуникации для быстрой переброски

германских войск через территорию Словакии”. Чатлош сообщил, что в мае 1939 г. он совместно с Тисо, Дюрчанским⁶³ и Баркхаузенем принимал участие в разработке договора с гитлеровской Германией: “Предложения Гитлера были нами приняты полностью... В основу той части договора, которая предусматривала тесное взаимодействие словацких и германских вооруженных сил, был положен план реорганизации словацкой армии по германскому образцу, разработанный мною совместно с ген. Баркхаузенем”.

Что касается участия Словакии в нападении Германии на Польшу, то Чатлош, по его словам, в соответствии с указаниями германского Верховного командования провел в Словакии секретную мобилизацию десяти возрастов и перевел армию с мирного на военное положение, что дало возможность увеличить ее контингент до 24 тыс. человек, далее – в короткие сроки подготовил около 1 тыс. словацких офицеров “из числа благонадежных словаков, поддерживавших фашистский режим Тисо”; после увольнения из армии офицеров-чехов на освободившиеся должности были назначены немецкие офицеры. К 1 августа 1939 г. Чатлош закончил подготовку словацкой армии для “оказания помощи Гитлеру в нападении на Польшу”. В конце августа в Братиславу прибыл со своим штабом начальник германской военной миссии в Словакии генерал-майор Энгельбрехт, через которого Чатлош в период войны должен был координировать свои действия с германским военным командованием. 29 августа Тисо назначил Чатлоша командующим словацкими частями, предназначенными для вторжения в Польшу. 30 августа в г. Жилина Чатлош встретился с германским генерал-полковником Листом, которому лично доложил о готовности словацкой армии к нападению на Польшу, а 1 сентября словацкие части под командованием Чатлоша совместно с германскими вооруженными силами вторглись на территорию Польши. “При захвате польской территории, – по словам Чатлоша, – словацкие части действовали самостоятельно. Однако захваченные польские населенные пункты мы передавали отрядам германской полиции и войскам СС, которые проводили все репрессии в отношении польского населения”. За помощь Германии в захвате Польши Гитлер наградил Чатлоша железными крестами 1-го и 2-го классов, а Тисо вручил ему высшую военную награду Словакии. В конце сентября 1939 г. Чатлош получил письмо от Листа с благодарностью за сотрудничество и помощь, оказанную германским оккупационным войскам.

После присоединения Словакии к “тройственному пакту” перед Чатлошем по указанию Гитлера была поставлена задача полной реорганизации словацкой армии по германскому образцу и воспитания ее личного состава в духе национал-социализма. “В связи с этим, – заявил Чатлош, – в конце 1940 г. мною были даны указания усилить подготовку словацкой армии к новой войне, ибо было совершенно ясно, что Гитлер захватом Польши не ограничится. Я принял меры к тому, чтобы германские офицеры направлялись в качестве инструкторов в части словацкой армии. Группу же словацких офицеров я направил в Германию для прохождения специальной военной подготовки... Согласно требованию Гитлера, подготовку словацкой армии я закончил к весне 1941 г. За месяц до нападения на Советский Союз я по приглашению Гитлера посетил германские гарнизоны во Франции и Бельгии, расположенные в районе линии Мажино, для ознакомления с особенностями современного боя при преодолении укрепленных районов”. На вопрос, было ли ему известно о готовящемся нападении Германии на Советский Союз, Чатлош ответил, что до 22 июня 1941 г. он ничего об этом не знал. Однако он подтвердил, что оказывал содействие в подготовке нападения Германии на Советский Союз, предоставив коммуникации Словакии и обеспечив их охрану в период сосредоточения германских войск на границе СССР. Последовал вопрос: “Следовательно, вы неправду показали, что не знали о готовящемся нападении Германии на Советский Союз?”. Ответ гласил: “Да, сознаюсь в этом”.

Совершенно иначе, чем прежде, Чатлош описывал свои действия сразу после вступления Словакии в войну: “Желая доказать свою преданность Германии и превзойти в этом отношении Венгрию, я отдал приказ о немедленном присоединении механизиро-

⁶³ Ф. Дюрчанский – министр иностранных дел словацкого правительства.

ванной бригады подполковника Пилфусека к наступлению германской армии”. Словацкие войска Чатлош называл оккупационными и сообщил, что он командовал ими до августа 1941 г., т.е. “до передачи захваченных советских районов генерал-губернатору оккупированных польских территорий Франку”. Далее Чатлош сообщил, что по указанию Гитлера словацкие оккупационные части были переданы в непосредственное подчинение фельдкоменданта генерала Кицингера и “с августа 1941 г. по 1944 г. находились в качестве оккупационных частей в городах Житомир, Овруч и Минск”. “Словацкие оккупационные части под командованием полковника Пилфусека, – согласно показаниям Чатлоша, – принимали активное участие совместно с германскими войсками СС и полицией в подавлении партизанского движения на Украине. Полковник Пилфусек докладывал мне о проведенных операциях против партизан. Значительная часть личного состава словацких оккупационных войск за содействие германским карательным органам была награждена мною орденами, а командир дивизии Пилфусек получил награду от Гитлера. Вопрос об использовании словацких частей для борьбы с партизанским движением обсуждался мною с фельдмаршалом Кейтелем”.

На вопрос, принимал ли Чатлош непосредственное участие в совещаниях с фашистскими главарями по вопросам планирования агрессивных войн, Чатлош сообщил, что вместе с Тисо и Тукой он неоднократно вызывался в Ставку Гитлера для участия в совещаниях, проводимых германским военным командованием. В этих совещаниях принимали участие Гитлер, Геринг, Риббентроп, Гиммлер, фон Папен, Кейтель, Йодль, Браухич и др. “Перед присутствовавшими Гитлер, – по словам Чатлоша, – развивал свои планы покорения Европы, уничтожения Советского Союза и в связи с этим определял задачи, возлагавшиеся на правительство Тисо. Вопросы, касавшиеся участия словацкой армии на стороне Германии, я согласовывал на этих совещаниях лично с фельдмаршалом Кейтелем”. Кроме того, “при мне постоянно находился личный представитель Гитлера, который непосредственно вместе со мной разрабатывал военные планы участия словацкой армии на стороне Германии”. Этими представителями были Баркхаузен, Энгельбрехт, Отто, Шлиппер, Губицкий. Помимо этого для координации действий словацких дивизий с германскими войсками Чатлош непосредственно на фронтах встречался в 1941 г. с фельдмаршалами в Умани – Штульпнагелем, в Мариуполе – Клейстом, в Полтаве – Рейхенау и в 1943 г. в Симферополе – еще раз с Клейстом.

На этом допрос закончился. Его стиль, характер поставленных вопросов и полученных ответов, терминология свидетельствовали об определенной нацеленности допроса. 17 декабря 1946 г. Чатлош был переведен во внутреннюю тюрьму МГБ⁶⁴. Шли переговоры о передаче его чехословацким властям. 18 декабря заместитель министра иностранных дел СССР В.Г. Деканозов направил министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову запрос о возможности передачи чехословацким органам Ф. Чатлоша, Й. Туранца, М. Сокола и Я. Спишьяка⁶⁵. Дата и способ передачи несколько раз уточнялись. Акт о передаче доставленных самолетом из СССР указанных лиц был подписан в Праге 8 января 1947 г. Все четверо заявили, “что они не имеют никаких претензий к советским официальным органам и что, наоборот, они высказывают признательность за корректное обращение с ними”⁶⁶. В жизни Чатлоша началась новая полоса арестанта: как известно, он получил во время процесса по делу Тисо пять лет заключения, но теперь уже в чехословацкой тюрьме. Однако, в 1948 г. Чатлош был выпущен на свободу. По всей вероятности ему были зачтены срок пребывания (два с половиной года) в советской тюрьме и желание сотрудничать с советскими властями. После освобождения Чатлош поселился в Мартине, служил чиновником и скончался в 1972 г.

⁶⁴ ЦА ФСБ РФ, блок 2, л. 14.

⁶⁵ Там же, блок 1, л. 75–76.

⁶⁶ Там же, л. 77.

Тисо был приговорен к смертной казни и расстрелян; Туранец также был приговорен к расстрелу, но затем приговор был заменен на 30 лет заключения; Сокол, председатель словацкого сейма, получил пять лет тюрьмы, Спишьяк, бывший словацкий посол в Венгрии, был оправдан.